

Издательство и одновременно книжный магазин «ИМКА-пресс», расположенный в самом сердце Латинского квартала, многие десятилетия является тем магнитом, который притягивает к себе русского человека, оказавшегося во французской столице. Издательство существует с 20-х годов. С конца 50-х его возглавляет Никита Алексеевич Струве, фигура в парижской русской эмиграции более чем заметная. Профессор русской литературы, публицист, редактор журнала «Вестник русского христианского движения» принял самое активное участие в выпуске на Западе солженицынского «Архипелага ГУЛАГ». О великом писателе А.И. Солженицыне — наша беседа с Никитой Алексеевичем.

— Когда состоялось ваше знакомство с Солженицыным?

— В 1970 году я получил письмо от Александра Исаевича, в котором содержалась просьба издать первый том «Августа 14-го» в том случае, если «Новый мир» или другие журналы от него откажутся, что, собственно, и произошло. И мы выпустили впервые на русском языке эту книгу. Письмо же пришло, конечно, по «левой почте»...

— А что это такое?

— Неофициальные, то есть тайные каналы. В основном через сотрудников французского посольства, с которыми я был знаком. Конечно, тогда их начальство об этом не знало. Теперь оно узнало и, надо думать, гордится такой ролью...

Раньше мы издавали книги Александра Исаевича, но они выпускались и другими издательствами. «Раковый корпус», «В круге первом» выходили в СССР в «самиздате», а потом оказывались в «тамиздате», но личного авторского обращения не было. Так началось наше сотрудничество. Оно приняло, я бы сказал, исторический характер, когда Солженицын попросил нас в полнейшей тайне и быстро, за полтора-два месяца, издать «Архипелаг ГУЛАГ». В середине октября 1973 года мы стали выполнять просьбу писателя и закончили 28 декабря. Это было подобно взрыву бомбы. Шок на весь мир.

— Почему выбор пал именно на ваше издательство?

— Существовало две возможности. Либо «Посев» в Германии, либо мы. В Европе других русских издательств такого плана не было. Но «Посев» более политически ориентирован, а «ИМКА-пресс» всегда отличалось религиозно-философской, литературной направленностью. Кроме того, я издавал «Вестник русского христианского движения», в котором часто сам публиковался. «Вестник» проникал в Россию, и Александр Исаевич был знаком с моими статьями, вообще с направлением журнала.

— Когда вы увидели Солженицына впервые?

— После публикации «Архипелага» я был почти уверен, что все это кончится его высылкой за границу. Так и произошло. Мы повстречались с Александром Исаевичем в Цюрихе 13 февраля 1974 года, то есть на третий день его приезда на Запад. Тогда я провел несколько дней вместе с Александром Исаевичем.

После триумфальной встречи на вокзале он уединился вместе со мной в гостинице, прилег немножко отдохнуть и сказал: «Я вижу день моего возвращения в Россию». И добавил: «Я вижу, что и вы будете в России». Мне показалось тогда это весьма странным. Но эта уверенность не покидала его все 25 лет, проведенных в изгнании. У нас установилось весьма тесное сотрудничество.

Я неоднократно навещал его. Мы издавали второй и третий тома «Архипелага», «Письмо к вождям», которое было переправлено еще раньше. В декабре 1974 года он приезжал во Францию, жил у меня

— О дисциплинированности и работоспособности Солженицына ходят легенды...

— Его отличает, я бы сказал, аскетическая строгость. Вообще Александр Исаевич живет аскетически, подвижнически. Бюджет времени у него необычайно четко распределен и на светскость не оставлено ни минуты. Иногда, но редко он позволял себе краткий отдых.

— А как это выглядело?

— Когда он жил у меня под Парижем, то выходил в сад, дышал, созерцал — восстанавливал силы. Александр Исаевич рано вставал и рано ложился. Всегда заготавливал рабочий материал на утро. Иногда в Вермонте за обедом читал только что написанные главы из «Красного колеса». Читает же он превосходно.

— Вам довелось часто общаться с Солженицыным. Его называют пророком, избранником. Какое место в жизни России,

правда, ценой изгнания на 25 лет. Возвращение на Родину. Такой богатой судьбы еще не было ни у кого из писателей. Солженицын — явление совершенно исключительное, судьба, созданная, как он сам говорит, «собственными руками». Человек, который сумел все одолеть, соединить и выразить в писательстве. Необычайная воля, которая явно питается духом. И в этом смысле он, я бы сказал, явление характерно русское. Такого на Западе быть, пожалуй, и не могло.

— У писателя был непростой путь и на Западе, где к нему относились неоднозначно, хотя казалось бы...

— Это верно. Но во Франции это чувствовалось меньше. Поскольку он способствовал разрушению мифа, который владел умами, конечно, те, кто в этот миф поверил и отчасти продолжал в него верить, не хотели до конца разувериться. Помню, газета «Монд» сообщила,

пути. Но тем не менее здесь — вся история России. Это эпопея-поэма, хотя оснащенная так с исторической точки зрения, что поймать автора на какой-нибудь неточности невозможно. Ловили — не получалось.

Так что, с одной стороны, Солженицына упрекали, что он слишком классичен, с другой — что он «насилует» русский язык. Может быть, что-то в этом есть, но все это показывает динамическое отношение к слову, новизну. Его первые романы дают новое слово, но не дают новой формы. Вот «Архипелаг ГУЛАГ» — это уже новая литературная форма, которой раньше не было. Да и «Красное колесо» — эпопея, которую не с чем сравнить в русской литературе.

Так что он писатель обновляющийся. Не повторяет самого себя. Даже сейчас, когда закончил труд, завещанный от Бога, продолжает писать, пытаясь найти новую форму. «Двойчатки» — два рассказа, которые как бы смотрятся один в другой. Типа диптиха. После огромнейшего «Красного колеса», немного подавляющего, он любит записать «крохотки», стихотворе-

ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЕ И ХАРАКТЕРНО РУССКОЕ

СЕГОДНЯ АЛЕКСАНДРУ ИСАЕВИЧУ СОЛЖЕНИЦЫНУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ

дома под Парижем. Мы вместе путешествовали по стране, которую он полюбил. Правда, задержать его во Франции мне не удалось, хотя я приложил к этому усилия. К тому же, если бы он остался здесь, то был бы в досягаемости любого журналиста. В Вермонте он жил практически в лесах и добираться до него было тяжело. Я часто бывал у него в гостях, много трудился и сам, вдохновляясь рабочим настроением и строгим распорядком дня Александра Исаевича. Как раз там я закончил писать свою докторскую диссертацию о Мандельштаме.

мировой культуре столетия вы ему отводите?

— Это поистине великое явление культуры наряду с Львом Толстым, Федором Достоевским. Но судьба у него совершенно особая. Она вмещает в себя несколько абсолютно разных жизней. И ведь ничто не предполагало этого сначала. Провинциальное детство в Ростове-на-Дону. Затем комсомол, советская молодость. Капитан-фронтовик. Зэк. Человек, умиравший от рака. Долгие годы полной неизвестности. Бурная слава. Преследования, притеснения. Теленок с дубом бодался и одолел-таки,

что Солженицын получил приглашение от Пиночета и ответил положительно. Этого не могло быть ни при какой погоде! Ни приглашения, ни ответа. Сплошная выдумка. Полагаю, над этим хорошо поработали некоторые спецслужбы. Когда Солженицын поехал в Вануэ в 1993 году на открытие памятника жертвам Французской революции, а после той лжи насчет чилийского диктатора прошло лет 20, этот вопрос снова возник в одной социалистической газете. Там писали, что «друг Пиночета приезжает в Вануэ». Выпады были жесткие.

Одновременно не будем забывать, что Солженицын — представитель русского религиозного духа. Его пророческий облик был чужд левой во всех отношениях, не только в политическом, американской интеллигенции. От него ей было как-то не по себе. И именно в США Солженицына то и дело подвергали нападкам слева. Кстати, и в России им были недовольны некоторые диссиденты, которые, казалось, должны были ему сочувствовать. И это понятно. Исключительная судьба, личность, которая вдохновляет подавляющее число думающих людей, заставляет поверить в человека вообще, у кого-то может вызвать зависть, раздражение по тем или иным причинам.

— А какова ваша, так сказать, профессиональная, литературоведческая оценка Солженицына как писателя?

— Он — огромное литературное дарование. В первую очередь он — человек слова, написанного слова. Иногда его судьба, историческая политическая роль заслоняет творца, но объективно он очень большой писатель. Я даже считаю его самым выдающимся мировым литератором второй половины XX века. Не вижу, кого можно с ним поставить рядом.

— Удивительны языковые поиски Солженицына...

— Его даже упрекали за это, с одной стороны, а с другой — за то, что он — классик. Синявский, который его недолюбливал, говорил мне: «Это ваш Бальзак». Я ему, правда, отвечал, что меня это вполне удовлетворяет. Потому что действительно у Солженицына есть размах бальзаковский. Возьмите «Красное колесо». Это трудно читать. Огромный масштаб. Кажется, что история тут одолевает литера-

ния в прозе, чем немного напоминает Тургенева. «Правая кисть», «Крестный ход» — это блестящие двухстраничные произведения. Словесный поиск есть и в «России в обвале», где введен еще более свободный подход к языку. Знаю, поскольку переводил вторую часть на французский. За первую не брался, потому что с ней не согласен. Считаю, что анализ положения в России слишком односторонний.

— Как в годы советской власти, Солженицын критически относится уже к нынешнему режиму...

— То, как происходит выход из коммунизма, далеко не всех может удовлетворить. У нас разные оценки положения не в смысле описательном. Ситуация действительно тяжелая. Сейчас много уродливых, карикатурных черт и в политической жизни, и в экономике. Желание помочь униженным и обездоленным, чьим голосом Солженицын хочет стать, вполне понятно. Поэтому он стремится писать так, чтобы тронуть совесть и предложить какие-то решения, с тем чтобы облегчить участь людей. Но путь к нормальной жизни, как и он сам предвидел, не может быть ни коротким, ни легким. Александр Исаевич говорил, что на это уйдут два столетия. Я-то, как оптимист, считаю, что потребуются два или три десятилетия.

Что касается второй части «России в обвале», где речь идет о том, как быть русскими при американизации жизни, то здесь много справедливого, а изложено с большой тонкостью и болью. Переводя, я почувствовал, какой огромной внутренней энергией обладает этот 80-летний человек, и это чувствуется в словах, фразах. С момента прочтения «Ивана Денисовича» много лет назад я отношусь с огромным пиететом и восхищением к Солженицыну и никогда в нем не усомнился.

— Итак, для России Александр Исаевич — это жизнь по совести, моральный императив?

— Совесть, да. Но не обязательно как моральный императив, как призыв. Он — светлое, яркое, сильное явление очень большой совести, которое вознаграждает Россию за все то бесовское, иногда и преступное, что было за минувшие десятилетия.

Беседу вел Вячеслав ПРОКОФЬЕВ. ПАРИЖ.